

Валерия Вербинина



ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СЫЩИКА ОПАЛИНА

В поисках "Эсмеральды"

Иван Опалин

Валерия Вербинина
В поисках Эсмеральды

«Автор»

2020

Вербина В.

В поисках Эсмеральды / В. Вербина — «Автор»,
2020 — (Иван Опалин)

Сложно жить в советском государстве в 20-е годы! Вот только съездишь к знакомым на дачу, возвращаешься – а на твоей жилплощади обосновались чужие люди. Так пострадала Маруся: некто предъявил свидетельство о ее смерти и вычеркнул ее из числа живых. Разобраться с необычной проблемой поможет московский угрозыск, а конкретно – молодой сыщик Опалин...

© Вербина В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| 1 | 5 |
| 2 | 8 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 11 |

Валерия Вербинина

В поисках «Эсмеральды»

1

Маруся Смирнова умерла в понедельник, в среду ее похоронили, а в пятницу она познакомилась с помощником агента угрозыска Опалиным.

– И что же мне теперь де-е-елать?

Сидя на выдавшем виды продавленном стуле, Маруся уткнулась лицом в платочек и зарыдала. Плечи ее затряслись, мелко задрожал кокетливый бант, приделанный к шляпке, и даже богатырская спина согнулась от горя.

Судя по представленным документам, Марусе было 26 лет, но выглядела она старше и казалась воплощенной мечтой поэта, в данном случае – гражданина Некрасова. Глядя на богатырскую статью Маруси, никто не усомнился бы, что именно этой посетительнице Московского уголовного розыска под силу остановить коня на скаку, войти в горящую избу или совершить еще что-нибудь столь же эпическое.

Но подобно многим, очень многим людям выдающейся (без преувеличений) внешности Маруся оказалась обидчивой, как ребенок, и теперь, когда она рыдала неподдельными слезами перед смущенным Ваней Опалиным, ее было по-настоящему жалко.

– Вся жизнь... вся жизнь псу под хвост! – донеслось до Опалина сквозь платок. – И жилплощадь... шестнадцать аршин! Комната отде... отдельная! А-а-а!

Помощник агента уже знал, что как только домоуправлению стало известно о безвременной смерти гражданки Смирновой, ее как не имеющую больше права на земные аршины быстро выписали, и в комнатку Маруси заселилась некая гражданка Брындина, по чистому совпадению – дальняя родственница управдома.

– Гад, свинья, мерзавец! – обличила Маруся управдома, ожесточенно комкая платочек. – Поддеревни к себе в Москву перетащил! Всех в доме прописал... а родственнички его пьют без просыпу! Электричество жгут почему зря, а счетчики общие, по ним все платить должны! Мы уж ему и так, и этак: уйми своих, а то заявим... куда-нибудь... Нечего электричеством жечь без толку! А он говорит – нет такого закона, чтобы рабочему человеку нельзя было электричеством пользоваться... И управы на него никакой! Хорош наш управдом! Еще и Таське из двенадцатой квартиры проходу не дает. Жена лупит его, да без толку... Половину волос на голове выдрала, а ему хоть бы что!

Опалин кашлянул. Подробности, которые на него обрушила Маруся, пока не представлялись ему существенными для дела, но он не стал прерывать говорившую, тем более что это было совершенно бесполезно.

– Скажите, а где вы сами находились... э... в момент своей смерти? – спросил он.

Едва произнеся эту необдуманную фразу, Ванечка сообразил, что вопрос свой сформулировал неудачно, из рук вон плохо и даже, можно сказать, нелепо. Но лицо у него было серьезное, глаза – хрустальные, и вообще чувствовалось, что он на стороне Маруси и очень хочет ей помочь.

– Я на даче была, у Ярославцевых, – ответила потерпевшая со вздохом.

– Так. А Ярославцевы кто?

Посетительница объяснила, что они нэпманы, держат магазин дамских шляп, для которого работает сама Маруся.

– Я модистка, понимаете? – сказала она гордо и поправила свою шляпку, не выпуская при этом залитого слезами платка. – Модисток часто путают с портнихами, но это неправильно!

Вообще я так скажу: при нынешней моде придумать платье – пара пустяков. Ни силуэта, ничего не нужно – сваргань мешок с прорезями для рук да укрась его чем-нибудь, чтобы с души не воротило. А вот создать такую шляпку, какой ни у кого больше нет – это целое искусство!

Опалин ровным счетом ничего не знал о моде, но усвоил, что женщины почему-то придают ей большое значение, и потому остерегся выдавать свою неосведомленность.

– Сколько времени вы были на даче? – спросил он.

– Дней десять. Или одиннадцать. Меньше двух недель, это точно.

– У вас хорошие отношения с хозяевами магазина?

– Ну... Платят они нормально, сказками не кормят – «зайдите в следующий раз», «в кассе ничего нет», «все ушло фининспектору на налоги»... В нашем деле ведь что самое главное? – трещала Маруся, все более проникаясь доверием к собеседнику. – Чтобы не обжулили! А сейчас все норовят словчить, обмануть, заплатит гораздо позже или вообще не дать ни гроша. Даже те, у кого денег куры не клюют... Нет, я тебе скажу, Ярославцевы вполне приличные люди!

Опалин помрачнел. Он был очень молод, но успел уже обзавестись кое-каким жизненным опытом, из которого следовало, что, во-первых, приличных людей на свете немного, а во-вторых, среди нэпманов их и подавно днем с огнем не сыщешь. Мысленно он тотчас же решил взять Ярославцевых на заметку.

– Расскажите мне о них подробнее, – попросил он, постаравшись напустить на себя официально-безразличный вид.

– Ну... Вадим Андреевич такой... спокойный, рассудительный... Слова лишнего не скажет. Иногда шутит, но не очень понятно. Домочадцы его смеются, а я как-то не особо его шутки воспринимаю. С виду сухарь, но человек хороший. Жена его, Елена Константиновна, та попроще. Кажется, – поправилась Маруся. – Добродушная, веселая, но все примечает. Приход-расход – всем этим она занимается. Прислугу держит в строгости, зато Коку, сынка своего, балует. Зря, по-моему – я про сына.

– Почему?

– Ну... Если человеку все позволять, то он мигом распускается. А Елена Константиновна очень уж с ним носится. А он пьет. И вообще...

Контур семьи Ярославцевых стали четче. Слабохарактерный пьющий сынок, отец – вероятно, под каблуком у жены, раз до сих пор не удосужился повлиять на Коку. И если Елена Константиновна ведет счета, то она действительно должна быть главной. Шляпный магазин... модистка... Стоп, а к чему Ярославцевым так любезничать с одной из своих служащих? Даже если она делает отличные шляпки...

– Они часто приглашали вас на дачу?

– Нет. В первый раз.

Опалин насторожился. А чего вы хотите? Человека приглашают на дачу, фактически выманивают из Москвы, в его отсутствие объявляют мертвым, захватывают жилплощадь...

– Скажите, – осторожно начал он, – а Ярославцевы как-то объяснили, почему...

– Да что там объяснять, – вздохнула Маруся, пряча платочек в затейливую вышитую сумочку, явно созданную своими руками, – Кока же! Ну, то есть мне так показалось, что меня пригласили ради него.

– В смысле, у вас с ним...

– Нет, нет, нет, – решительно перебила Маруся, поводя мощными плечами, – у меня с ним ничего нет. Ясно? Но я не знаю, может, Елена Константиновна вбила в голову, что я могу как-то... ну... на него повлиять. Она меня все хвалила – ах, вы столько работаете, а как же вы отдыхаете? А танцы? А выпить? И как узнала, что я не пью совсем, то есть вообще, у нее сделался, знаешь, такой задумчивый вид... Ой, ничего, что я на ты?

Опалин сказал, что ничего не имеет против, и при этом самую малость покривил душой. С «ты» и «вы» у него были сложные отношения, в которых он и сам хорошенько не успел разобраться. Он вырос в среде, где слово «вы» при обращении к собеседнику употреблялось редко. Эпоха вроде бы тоже была за «ты», причем самым решительным образом. И все же Ванечка нет-нет да ловил себя на том, что ему куда больше по душе, когда к нему обращаются на «вы». Во-первых, он вырос в собственных глазах; во-вторых... Но кроме этих первых, вторых и сотых соображений, были еще неписанные правила по работе со свидетелями. Не стоит настраивать свидетеля против себя – по крайней мере, до того момента, когда он выложит все, что знает. И поэтому Ванечка улыбнулся и объявил, что все в порядке.

– Напрямую Елена Константиновна мне ничего не говорила, но я думаю, что у нее возникли планы насчет меня и Коки, – быстро продолжала Маруся, преданно глядя на собеседника. – И она меня пригласила на дачу, чтобы посмотреть, как мы с ним поладим. Она мне все жаловалась, что у него все время какие-то девушки неподходящие. Мне показалось, что это все было неспроста, но у меня-то самой дачи нет, вот я и решила – какая разница, что у Елены Константиновны на уме, зато я хоть отдохну немножко. Отдохнула, называется...

Опалин вынужден был признаться себе, что все это выглядело не слишком убедительно. И приглашение странное, и предлог, прямо скажем, наполовину додуман потерпевшей. И вообще...

– Скажи, кто-нибудь из Ярославцевых бывал у тебя дома?

– Нет.

– Но они знают, где ты живешь?

– Конечно.

– Как фамилия управдома, который тебя выписал?

Оказалось, что его зовут Галактион Червяков. Из слов Маруси выяснилось, что помимо того, что управдом перетащил всю свою родню в Москву и приставал к какой-то Таске из двенадцатой квартиры, его подозревали в растрате, но доказать ничего не смогли.

– Червяков или эта, как ее – Брындина, которая заняла твою жилплощадь, могут быть как-то связаны с Ярославцевыми?

Маруся вытаращила глаза. Только сейчас до нее дошло, куда клонит собеседник.

– Нет, ну... Откуда мне знать!

– А в ЗАГСе ты была?

– Чего?

– Свидетельство о смерти, – терпеливо разъяснил Опалин, – должно быть зарегистрировано в ЗАГСе. Ты была там? Может быть, произошла ошибка. Умерла какая-нибудь другая Мария Смирнова, например... Ты же не одна в Москве с таким именем и фамилией!

– Если другая, – рассердилась Маруся, – то почему выписали именно меня? И вообще, если хочешь знать, в нашем доме только одна Смирнова, и это – я!

– Какой именно ЗАГС зарегистрировал твою смерть?

Вопрос опять получился крайне неудачным, но Маруся была так взвинчена, что даже не обратила на это внимания.

– ЗАГС... А! В смысле, отдел? Да Хамовнический должен быть, а что?

– Подожди здесь, – сказал Опалин, поднимаясь с места.

Потому что, видите ли, он вообще не обязан был выслушивать Марусю Смирнову. Подразделение, в котором числился Опалин, занималось убийствами и борьбой с бандитизмом, а потустороннее происшествие с модисткой вообще не лезло ни в какие рамки. Так что Ваня должен был послать посетительницу в другой кабинет или указать ей тех, кто мог заняться ее делом – но у него попросту не хватило на это духу, потому что до него Марусю и так несколько раз отфутболивали, она вся извелась и выглядела совершенно потерянной.

2

В кабинете начальника Терентия Ивановича Филимонова Опалин объяснил ситуацию и выразил готовность заняться делом самолично.

– Здесь для нас нет работы, – заметил Филимонов. – Никого ведь не убили.

– Ну это как посмотреть, – возразил Ваня, в котором разыграл дух противоречия. – Человека записали мертвецом и лишили жилплощади. По нынешним временам это все равно что убийство, по-моему. И куда ей теперь деваться?

Филимонов скользнул взглядом по упрямому лицу подчиненного и понял, что так просто тот не сдастся.

– Вы, Иван Григорьевич, должны понимать, что угрозыск существует в рамках определенных законов и полномочий, – как всегда, обстоятельно и негромко заговорил начальник. Опалин поежился – его крайне редко называли по имени-отчеству, но Филимонов со всеми придерживался именно такого обращения. Сейчас, впрочем, в его голосе звенел оттенок неодобрения, которое он даже не пытался скрыть. – Делами, которые связаны с потерей жилплощади, наша группа не занимается. Отправьте гражданку к товарищу Шанько, это его случай. Там либо мошенничество, либо чья-то ошибка.

– Шанько сегодня в суде, – напомнил Опалин. – Вместо него Дроздов, а он все силы тратит на то, чтобы не принимать обращения граждан. Скалит зубы, шуточки-прибауточки, и в итоге ничего не делает.

– Это не наша проблема, пусть Шанько с ней разбирается, – отрезал Филимонов, и Опалин понял, что настаивать бессмысленно.

Выйдя из кабинета начальника (руки у него так и чесались грохнуть дверь, но он сдержался), Ванечка скороговоркой пробормотал сквозь зубы нечто нелитературное и, прямо скажем, чрезвычайно неприличное. Но так как наша история правдива от первого до последнего слова, мы считаем себя не вправе утаивать этот прискорбный факт.

Через минуту юный сотрудник угрозыска вернулся к ожидавшей его модистке, которая в волнении приподнялась ему навстречу со стула.

– Все в порядке, – объявил Опалин. – Идем.

План Ванечки был прост – первым делом наведаться в расположенный в одном из арбатских переулков Хамовнический ЗАГС, в котором будто бы зарегистрировали смерть Маруси, а затем действовать по обстоятельствам. Модистку он захватил с собой, справедливо рассудив, что ее присутствие может оказаться небесполезным.

– Регистрация браков в окне номер два, – буркнула сидящая за конторкой барышня неопределенного возраста, которая крючком вывязывала воротничок, не особо таясь от посетителей. Опалина больше всего поразило даже не то, что она произнесла свои слова еще до того, как он задал вопрос, а то, что она, казалось, даже не посмотрела на него и его спутницу.

– Гражданка, я агент угрозыска и веду дознание, а это – свидетельница, – сказал Ванечка, пытаясь напустить на себя суровый вид, из-за чего сразу стал похож на неопытного молодого актера, который безбожно переигрывает. – Кто у вас тут занимается регистрацией смертей?

Барышня подняла голову, несколько секунд напряженно осмысляла услышанное и, наконец, со вздохом опустила вязание на колени.

– Анна Андревна! – тоскливо прокричала она, проглотив одно «е». – Тут из угрозыска чего-то хотят...

Явившаяся на зов Анна Андревна в первое мгновение показалась не слишком удачным гибридом огнедышащего дракона и классной дамы былых времен с седым пучком, объемистым бюстом и золотым пенсне. Впрочем, магическое слово «угрозыск» и предъявленный Опали-

ным документ заставили дракона спасовать, а затем исчезнуть без остатка, после чего классная дама обрела даже некоторые человеческие черты.

– Товарищ, вы должны войти в наше положение... Мы обслуживаем большой район... случаются разные недоразумения... редко, разумеется, но случаются. Мы, конечно же, строжайше следим... проводим работу над ошибками... Помнится, как-то раз у гражданина Абрамова родилась двойня, девочки, а у гражданина Абрикосова – тоже двойня, мальчики, а наша служащая по недосмотру записала Абрамову двоих сыновей, а Абрикосову...

– Предъявите мне запись о регистрации смерти гражданки Смирновой, – насупившись, прервал заведующую Опалин. – Я не намерен тут слушать до вечера, какие еще ошибки совершили ваши служащие...

Анна Андревна поняла, что ей попался крепкий орешек, и пригласила помощника агента с его спутницей в кабинет, где предъявила им гроссбух регистраций. Маруся, жарко дыша, навалилась на плечо Ванечки и пробегала глазами исписанные разнокалиберными почерками страницы.

– Вот! Вот же я! – взвизгнула она. – Смирнова Мария Ивановна... а почему год рождения 1890-й? И число неверное, и... Причина смерти – попала под лошадь! – Повелительница шляп побагровела. – Я – под лошадь? Какая подлость! Кто это придумал, хотела бы я знать?

– Гражданка, не кричите, – хмуро попросил Опалин и обратился к Анне Андреевне. – Вы должны знать почерки ваших служащих. Кто делал эту запись?

Через минуту в кабинет заведующей вошла кудрявая миловидная барышня с ресницами в полщеки. Было заметно, что барышня нервничает, и еще – что ее распирает нешуточное любопытство. Увидев, что Опалин совсем юн и даже не носит форму, она тотчас же успокоилась и с удвоенным любопытством стала коситься на негодующую Марусю, которую помощнику агента пришлось призвать к порядку, потому что она рвалась допросить вновь прибывшую лично.

– Значит, вас зовут... – начал он, повернувшись к барышне.

– Василиса Волкова, – пролепетала барышня.

– Вы подтверждаете, что делали запись о смерти гражданки Смирновой? – спросил Опалин, ткнув пальцем в страницу.

Василиса поступила так: похлопала ресницами, подумала, поглядела на страницу, на величаво застывшую у окна Анну Андреевну, вздохнула и призналась:

– Да. Это была я.

– На основании чего вы зарегистрировали эту смерть? – спросил Опалин, насупившись.

– И я желаю знать, почему я угодила под лошадь! – встряла неугомонная Маруся.

– Он представил свидетельство о смерти, – пролепетала барышня, теряясь.

– Ага, – многозначительно уронил Ваня, взглядом призывая к порядку модистку, которая готова была взорваться. – Он – это кто?

– М... молодой человек.

– Что за молодой человек?

– Я не знаю. Я спросила, родственник ли он... Он сказал... сказал: «Да, конечно, а вы как думаете?»

– Документы он предъявил?

Василиса позеленела.

– Да... свидетельство... я же сказала...

– Свои собственные документы он показал? Хоть какие-нибудь?

Собеседница Опалина готова была расплакаться.

– Я не знала, что это важно... Я не спросила... Я только две недели тут служу...

– Где сейчас свидетельство о смерти, которое он вам предъявил? У вас?

– Он забрал его... Сказал, что оно нужно, чтобы договориться о погребении...

Тут Маруся испустила такой яростный вопль, что Анна Андреевна, стоявшая неподвижно, как скала, подпрыгнула на месте и едва не обронила пенсне.

– Не кричите, гражданка, – буркнул Опалин, который впервые пожалел о том, что взял потерпевшую с собой, и снова обратился к Василисе. – Вы хоть что-нибудь запомнили об этом свидетельстве? Каким учреждением оно было выдано? Какой врач его подписал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.